

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. Т. КАЛАШНИКОВА

Информационные технологии и письменное наследие

El'Manuscript-2012

Материалы IV международной научной конференции
Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 года

Петрозаводск, Ижевск
2012

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0
И741

Изданы при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-06-06061-г),
гранта РГНФ (проект № 12-04-14154-г) и в рамках реализации комплекса
мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012-2016 г.

Ответственные редакторы:
В. А. Баранов, д-р филол. наук, проф.
А. Г. Варфоломеев, канд. физ.-мат. наук, доц.

Информационные технологии и письменное наследие [Текст] :
И741 материалы IV междунар. науч. конф. (Петрозаводск, 3–8 сентября
2012 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, А. Г. Варфоломеев. — Петрозаводск ;
Ижевск, 2012. — 328 с.

ISBN 978-5-8021-1402-5

Сборник содержит материалы конференции, посвященной современ-
ным электронным средствам хранения, описания, обработки, исследования
и публикации памятников письменности и исторических источников.

УДК 004.9
ББК 81.11+81.2-0

ISBN 978-5-8021-1402-5

© Петрозаводский государственный
университет, 2012
© Ижевский государственный технический
университет им. М. Т. Калашникова, 2012

БАЗА ДАННЫХ, СОСТАВЛЕННАЯ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКАМ МАССОВОГО ХАРАКТЕРА, КАК СПОСОБ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ И ДОМОХОЗЯЙСТВА КАРЕЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА XIX ВЕКА

И. А. Чернякова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Исследование выполняется при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Брак, семья, домохозяйство в жизненной стратегии крестьянина-карела доиндустриальной эпохи", № 11-01-00143а

Работа выполняется при финансовой поддержке в рамках Программы стратегическо-го развития ПетрГУ на 2012—2016 гг. в ходе реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности

The investigation is focused on the observation of the historiography devoted to the Russian pre-revolutionary family and household structures. Under the main attention are some problems around of classification and especially simplification of the archival data on the process of classification of families by types. There is the method of database which author developed and used in own investigation towards the Karelian peasantry of 19th century described in details.

Актуальность заявленной теме сообщает акцентированное внимание современного общества к гендерному аспекту социокультурной истории. Научные дискуссии о пределах индивидуальной свободы и социальной необходимости неизбежно обращаются к жизнестойкости семейных коллективов. Подчеркнем, что не только в Западной Европе, где едва ли не с позднесредневековых времен весьма заметной стратой в любом локально взятом сообществе были мужчины, никогда не вступавшие в брак, но и в России стали привычными констатации кризиса семьи и семейных ценностей.

Определенно, аргументом в пользу изучения типологии традиционного семейного поведения предстает ситуация, очерчиваемая в современной американской социологии. Налицо тенденция к исчезновению семьи как доминирующего союза женщины и мужчины для воспроизведения потомства, детерминированного жизненной стратегией человеческого сообщества в целом.

Если в 1970 г. согласно данным Вильямса Брайана, Стэси Сойер и Карла Валстрема, более 80% американцев (81,3) так или иначе проживали в составе семей и менее 20% (18,7) — вне их, то в 2000-м доля семейных заметно уменьшилась (69,7%), при этом явно перестала доминировать семья с детьми. Уменьшение ее доли произошло с 40,3 до 24,1%. Обращает внимание, что бездетные заметно превалируют среди семейных пар (28,7%). Одновременно увеличилась (с 10 до 15%) доля так называемых 'других семей', под которыми понимаются вовсе не расширенные (extended) или составные (multiple) ретро-традиционные семьи, а часто однополые семейные союзы. В то же время до четверти всех американцев в 2000-м году строили свою жизнь как одиночки. Вместе же с другими 'не семьями', то есть, какими-то коллективами, в силу обстоятельств выбравшими коммунальное проживание, доля таких лиц возросла до 30%, что уже близко к трети всего населения [Brian et al., 2005].

В свете этих данных неудивительно чрезвычайное и стойкое внимание зарубежной историографии к традиционному семейному поведению в России, большая патриархальная семья в которой являлась, по выражению американского исследователя Питера Запа, чьи работы наиболее цитируемы и признаны классическими в данной области знания — «главным богатством русского крестьянина» [Czap, 1983]. Особую своевременность нашей работе сообщает то обстоятельство, что эта проблема — традиционное брачное и семейное поведение в локальных этнических сообществах — активно разрабатывается в последнее время в финляндской историографии.

Объектом исследования в территориальном плане являются пять карельских приходов с центрами в Ялгубе (Олонецкая Карелия), Сямозере (Приграничная Карелия), Реболах (Северная Олонецкая Карелия), Панозере (Беломорская Карелия), а также в селе Пятницком (Тверская Карелия). В сотне в общей сложности деревень этих приходов-округов, находившихся в зонах компактного расселения соответственно карелов-людиков, карелов-ливвиков, собственно карелов и так называемых тверских карелов, в последней трети XVIII столетия, согласно нашим подсчетам, проживало без малого шесть тысяч человек. К середине XIX века их населенность возросла и составила более девяти тысяч человек.

Задачей поставлено последовательное, по возможности исчерпывающее в микрокурсе каждой из выбранных приходских территорий, отслеживание количественных параметров в парадигме «брак, семья, домохозяйство» по архивным данным массового характера на основе методических выкладок кембриджской группы [Laslett, 1972] с целью выявления искомой зоны перехода от западной модели брачного поведения к восточной [Хадж-нал, 1979]. Здесь, в северо-западном российском приграничье, локальные карельские сообщества веками жили под активным воздействием поведенческих стереотипов, нередко контрастных, доминировавших с одной стороны на западе — в Финляндии и Швеции, с другой — на востоке, в северных и центральных областях империи.

Историография темы. Ограничимся тремя констатациями, которые на наш взгляд определяют современное состояние изученности семейного поведения русского крестьянства доиндустриальной эпохи.

1. Представления о домохозяйстве как феномене жизнедеятельности крестьянской части населения дореволюционной России, сложившиеся в западной и в отечественной науке, диаметрально противоположны. Исходным для впечатляющего перечня исследований российских авторов является вывод В.А.Александрова, в общих чертах сводимый к тезису: в России с XVII по первую половину XIX века абсолютно преобладала нуклеарная семья, то есть, состоявшая из родителей и их неженатых детей; встречающиеся в источниках неразделенные семьи (с женатыми сыновьями, либо так называемые братские — совместно проживавших семейных братьев) всего лишь отражают исключительность положения не успевших по каким-то причинам вовремя разделиться крестьянских семей [Александров, 1981, 1984]. Тогда же, в начале 1980-х гг., Питером Запом было сформулировано убедительно аргументированное обращение к детальному анализу количественных характеристик семейного строя крестьян Рязанской губернии противоположное мнение. Согласно ему, наоборот, в России преобладали многопоколенные семьи [Czap, 1982]. К подобному выводу пришел и изучавший феномен домохозяйства на тамбовских материалах Стивен Ли Хок [Хок, 1993].

2. Сложилась ситуация, когда из-за следования разным методикам систематизации количественного материала сопоставимость качественных оценок, представленных в историографии по различным регионам, практически недостижима. С появлением новых исследований научное знание приращивается очень относительно. Только те, кто решается прибегнуть к собственным переподсчетам по опубликованным разными исследователями цифровым данным, могут рассчитывать на некие подытоживающие выводы. При этом переподсчеты ведут, как правило, к агрегированию данных с преобладанием средних показателей, на основе которых делаются косвенные наблюдения. В итоге происходит неизбежное упрощение классификации домохозяйств, присутствующих в отдельно взятых исследованиях. Так, подытожив достижения российской историографии и подчеркнув, что разные историки используют разные термины для описания одних и тех же структур, или одни и те же термины для описания разных, Дэвид Мун в весьма убедительном обобщающем исследовании чрезвычайно упростил типологию домохозяйств русского крестьянства. По-существу, он свел ее к двум категориям: “простые” и “сложные” [Moon, 1999].

3. Стало принятым усовершенствовать методику анализа. Хотя в основе модификаций лежит как правило все та же предложенная П. Ласлеттом схема распределения домохозяйств по типам, считается возможным упрощать ее и даже перестраивать. Ограничимся всего тремя примерами.

Так, на первой позиции в таблице М.В.Борисенко, исследовавшего семейный строй западносибирских крестьян, обнаруживаем так называемую “малую одиночную” семью, характеризуемую как “одинокое совершеннолетние лица” [Борисенко, 1998]. Но у Ласлетта в данной части его типологической таблицы одиночки присутствуют раньше, чем какой бы то ни было домохозяйственный коллектив, и ясно обозначены — “не семья” (“no family”).

В предложенной Д. Муном растолковывающей классификации произошло ‘выпадение’ значительной части семей, попадающих в категорию нуклеарных — супружеских пар без детей. При этом остается неважным, их дети еще не родились, не будут рождены вовсе, или уже выросли и покинули родительский дом. Все три категории семей с тех пор нередко не включаются в предлагаемые исследователями классификации, формально привязываемые к типологии П. Ласлетта. Не находим среди семей, образующих простые домохозяйства по Д. Муну, также вдов и вдовцов с детьми.

Типология Юокки Партанена, предложенная в докторской диссертации автора и примененная в авторском разделе коллективной монографии, которой увенчался международный исследовательский проект, выполненный под руководством профессора университета Восточной Финляндии Тапио Хямюнена (Tapio Hamunen), включает пять типов домохозяйств. Она как нельзя лучше отражает, по-видимому, финляндскую крестьянскую реальность прошлых веков. Автору удалось включить в характеристики семейных коллективов даже их хозяйственные функции, подчеркнув активность или уже не-активность, например, вдовца (вдовы) во главе домохозяйства [Partanen, 2004]. Однако обращает внимание отнесение супружеской пары без детей к домохозяйствам, определенным как ‘несемейные’. С этим из типологии семейных коллективов ‘выпадают’ все супружеские пары, которые еще не успели завести детей, или уже успели их вырастить, равно как те, кто вообще не собирался иметь детей. В то время как, согласно П. Ласлетту и по классификации, признаваемой в российской специальной литературе, супружеские пары без детей безусловно относятся к семейным коллективам, будучи определенными как ‘неполные’.

Метод и результат. Научно-исследовательский интерес к структурно-организационной стороне семейной жизни российского крестьянского социума существенно повысился в последнее время благодаря возможности использовать новейший технологический инструментарий для накопления и систематизации историко-демографической информации. Компьютерное оборудование, снабженное современным программным обеспечением, позволяет ставить и решать задачи, еще совсем недавно выглядевшие непреодолимо трудоемкими.

Ранее, как правило, приходилось создавать модифицированный источник информации на основе архивного манускрипта, будь то ревизская сказка, или исповедная ведомость, или подворный список, или метрическая книга. Сведение данных в таблицы в этом смысле более привлекательно и даже продуктивно. В то время как подсчеты прямо из архивного источника минимизируют затраты времени, полученные таким образом цифровые данные лишены верифицируемости.

Я в своем исследовании демографического поведения крестьян-карелов доиндустриальной эпохи обратилась к методике базы данных. База данных со структурированной карточкой позволяет сохранить выявленную информацию на индивидуализированном уровне имен и персональных сведений. К ней всегда можно вернуться, чтобы проверить или уточнить то, что необходимо. Целый ряд наблюдений подсчитывается автоматически (например, количество членов каждой семьи и число всех семей, составлявших то или иное домохозяйство; разница в возрасте супругов; как много было вступивших в брак и все еще остававшихся вне брака лиц от 15 до 30 лет). Время исследователя экономится в момент фиксации архивной информации благодаря наличию многоуровневых полей, в которых достаточно просто выбрать соответствующую характеристику. Так, в полях ‘вид домохозяйства’ и ‘тип домохозяйства’ (далее — ДМХ) открываются все спектры вариантов. Очень ценно и то, что присутствует поле для особых отметок и замечаний.

Типология, которую я считаю нужным применять в предпринятом исследовании, апробирована в уже упомянутой выше коллективной монографии [Tcherniakova, 2004]. Обращает внимание чрезвычайная дробность информации в типах. Например, в графе “без семьи” под буквой а) значатся одинокие вдовцы и вдовы, а под буквой б) другие одинокие лица. В графе “не семья” под буквой а) значатся проживавшие совместно братья и сестры без собственных семей; под буквой б) то же, но не братья и сестры, а лица иного родства; под буквой с) делившие кров и стол лица, не являвшиеся родственниками. В графе “не вписывающиеся в типологию домохозяйства” таких феноменальных случаев уже 13. Может показаться, что это едва ли не больше затрудняет создание обобщающей картины состояния карельских домохозяйств. Вероятно, имеет смысл пояснить, что под буквами аа) во всех вариантах ДМХ дополнительно значатся обитатели дворов в тех случаях, когда с ними под одной крышей оказывались лица, чье родственное отношение неочевидно, например так называемые “приживалы”. Отдельно учитываются все прочие ДМХ, которые не удалось классифицировать ни под одним из выделенных типов.

Оправдание этой дробности наблюдений я вижу в том, что ни одна коллизия сочетаний человеческих судеб не теряется на уровне сбора информации.

Следует ли такие первоначальные таблицы публиковать? Полагаю это важным для создания действительно адекватного представления о сложности семейной структуры и многовариантности семейной организации карельских крестьян. Более того, наличие столь детальной информации должно помочь избежать вынужденного упрощения схем и классификаций на уровне обобщающих работ.

В работе с источниковыми данными я столкнулась с тем, что в разряд “прочих” должны быть отнесены до 15–20% домохозяйств. И это, на мой взгляд, не позволяет пренебрегать показом во всей ее специфике детальности домохозяйственного строя карельских крестьян.

В целом мои наблюдения убеждают в том, что пренебрежение дополнительными характеристиками ДМХ, строго говоря не вписывающихся в три заданных разряда внутри расширенных (extended) (2,9%), так же как в разряде составных (multiple) (3,5%) заставило бы нас пренебречь спецификой в целом весьма существенной доли в 6,4%.

То же, но еще более четко выявляется при внимательном разнесении по разрядам семей внутри группы “прочие”, то есть, таких, которые остались за рамками всех типов с первого по пятый. Это все ДМХ с так называемыми 'приживалами'. Но даже при таком дробном подходе все еще остается заметная группа ДМХ, которые попадают в разряд прочих (5.2%).

Для примера приведу вариант карточки, которая содержит структурное описание одного из ДМХ в деревне Кургиевой, в котором четыре отдельных семейных коллектива и двое одиночек: 1) супруги с детьми, 2) сын с женой и детьми, 3) второй сын с женой и детьми, 4) третий сын с женой и детьми, 5) племянник главы ДМХ, 6) сестра главы ДМХ. Таким образом, в данном ДМХ коллективе находим сочетание типов: неразделенное вниз (с детьми и внуками) плюс расширенное горизонтально плюс неразделенное горизонтально.

Список литературы

Александров, 1981 — Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.

Александров, 1984 — Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984.

Борисенко, 1998 — Борисенко М. В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI – середины XIX вв. СПб., 1998.

Хаджнал, 1979 — Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. ст. / Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М., 1979. С. 14–70.

Хок, 1993 — Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / Пер. с англ. М., 1993.

Brian et al., 2005 — Brian K. W., Sawyer S. C., Wahlstrom C. M. Marriages, Families and Intimate Relationships. Boston, MA: Pearson, 2005. http://en.wikipedia.org/wiki/Average_Joe

Chernyakova, 2004 — Chernyakova I. Marriage behaviour in pre-industrial Karelian rural parishes // Where the Twain meet again? New results of the Dutch-Russian project on regional development 1750–1917. Ed. by Pim Kooij and Richard Paping / *Historia Agriculturae* 34. Groningen/Wageningen, 2004. P. 91–129.

Czap, 1978 — Czap P. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era of Serfdom // *The Family in Imperial Russia: New lines of historical research* / Ed. by David L. Ransel. Urbana-Chicago-London: University of Illinois Press, 1978. P. 103–123.

Czap, 1982 — Czap P. The perennial multiple family household, Mishino, Russia, 1782–1858 // *Journal of Family History*. 1982. V. 7. Pp. 5–26.

Czap, 1983 — Czap P. “A large family: the peasant's greatest wealth”: serf households in Mishino, Russia, 1814–1858 // *Family forms in Historic Europe* / R. Wall (ed), in collaboration with J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983. Pp. 105–151.

Laslett, 1972 — *Household and Family in Past Time*. Ed. by P. Laslett. Cambridge, 1972.

Moon, 1999 — Moon D. *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*. L.-N.Y.: Longman, 1999.

Partanen, 2004 — Partanen Ju. Marriage behaviour in the Kakisalmi region of the Karelian isthmus, 1760–1869 // *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia* / Ed. by T. Hamynen, Ju. Partanen and Yury Shikalov. Joensuu: Joensuun University Press, 2004. Pp. 175–199.

Tcherniakova, 2004 — Tcherniakova I. Marriage and Family in White Sea Karelia during the Pre-Industrial Time: Traditions and Innovations (on the example of Panozero area) // *Family on the border margins of Imperial Russia* / Ed. by T. Hamynen, J. Partanen, Ju. Shikalov. Joensuu. 2004. P. 285–331.